

Из истории науки

УДК 101.1

СООТНОШЕНИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В СИСТЕМЕ ГАЛЕНА

Д.А. Балалыкин, А.П. Щеглов, Н.П. Шок

На основе впервые вводимого в русскоязычный научный оборот труда римского врача Галена «О наилучшем преподавании» («De optima doctrina») авторы статьи осуществляют анализ его анатомо-физиологической системы доминировавшей в медицине более 1500 лет. Выявление в работах Галена баланса между уровнем эмпирического познания, необходимым для врача, и важностью теоретических построений представляет собой уникальное исследование с точки зрения современной истории науки. Умозаключения Галена относительно значимости установления причинно-следственных связей, необходимости теоретических обобщений, использования доказательства и логического метода при постановке диагноза и в процессе лечения заболеваний позволяют авторам сделать вывод о возникновении принципиально нового методологического подхода в древней медицине.

Ключевые слова: история медицины, история науки, античное естествознание, доказательность, логический метод, Гален

Анализ истории жизни и деятельности Галена показывает, что его позиции как теоретика и практика медицины не были до сих пор в достаточной степени исследованы. Гален столкнулся с жесткой оппозицией врачей, разделявших натурфилософские и практические взгляды школы методистов. В то же время сам он считал себя последователем Гиппократов, дополняющим и развивающим идеи своего великого предшественника. Удивительный факт, мало комментируемый историками медицины: представления о медицинском знании, сформулированные Гиппократом и до появления Галена существовавшие в теории и практике врачевания на протяжении почти 600 лет, так и не превратились в доминирующую систему [1]. Знания, накопленные Гиппократом, характеризовались ра-

ционализмом, предложенные им методы лечения опирались на принцип эмпирического познания, который только в интерпретации Галена, дополненный его личными наблюдениями и основанный на натурфилософских идеях Платона и Аристотеля, получил свое развитие. Важнейшее значение здесь имеет то, что труды Гиппократы были написаны до возникновения основного массива натурфилософских работ, обосновавших принципы рационального познания и определивших дальнейшее развитие естественных наук (прежде всего это диалог «Тимей» Платона и работы Аристотеля). Историческая роль Галена как философа заключается в том, что он в полной мере использовал потенциал рационального наследия Платона и Гиппократы, касающегося идеи психосоматического единства организма, которая ранее практически не была понята врачами [2].

Галена, без сомнения, можно отнести к историческому типу энциклопедиста: он блестящий врач, одновременно и философ, знаток логики, геометрии, других наук. Существенным признаком галеновского взгляда на мир является представление о гармоничной тождественности субъекта и объекта как частей целого – окружающей природы, существующей по законам, установленным ее Творцом. Эти законы человек может постигать и применять в своей деятельности. В своей теоретико-практической системе Гален избегает двух ловушек-крайностей, в которые впадали различные современные ему натурфилософские школы: риска попадания индивидуального начала в зависимость от некоего объекта, с одной стороны, и подчинения объективной реальности субъекту – с другой. Гален считал, что любой объект познания независим от личности исследователя, но постигаем как определенная закономерность, объективно заложенная в предмете изучения, благодаря «божественному дару».

По мнению Галена, особенности предметов и заложенные в них закономерности никак не проявляются, если не становятся объектом человеческого познания. Простое бытийное существование предмета (онтологический признак) вне взаимодействия субъекта и объекта, направленного на выявление заложенной в него целесообразности, становится призраком, фантомом. Вместе с тем осмысление какого-либо предмета чувственного мира возможно только тогда, когда в нем существуют постигаемые закономерности. Следовательно, подобное действие человеческого разума должно быть основано на правильном мнении, системном понимании предмета, разум должен располагать способами достижения подлинного знания и его доказательства. Именно поэтому натурфилосо-

софский скептицизм II в. стал основной мишенью для критики со стороны Галена.

Философские размышления Галена направлены на поиск высших категорий познания, которые могут быть воплощены в практике через достижение идеальных практик врачевания. «Именно этот путь исследования помогает выявить непосредственно саму природу тела, одновременно состоящую в первую очередь из первоэлементов, полностью смешанных друг с другом, во вторую – воспринимаемых чувствами составных частей, состоящих из того, что называется однородными частицами, и в третью очередь – органических частей» [3], а следовательно, «устремившись от первоэлементов и начал, заключенных в каждом [объекте], можно превосходно доказать все, что может быть доказано» (см. Приложение, п. 12).

Созерцание и мысленное познание помогают ученому обнаружить в кажущейся бесконечной изменчивости мира внутреннюю, скрытую гармонию. Такие науки, как геометрия, математика, астрономия и особенно логика, помогают найти в природе причинно-следственные связи, увидеть ее идеальную красоту. Поэтому, по мнению Галена, истинный врач должен обладать, так же как ученый, широкими познаниями в различных науках, т.е. быть философом. Понимание подлинных начал и закономерностей процессов жизнедеятельности, происходящих в человеческом теле, для врача необходимо. Человеческое тело совершенно и прекрасно, однако подвержено изменчивости, болезням. Сверхзадача врача – с помощью лечения вернуть тело к здоровому (идеальному) состоянию. Благодаря своим философским исследованиям Гален вносит элемент сознательного и рационального в поиск идеального, увязывая его с реализацией практических врачебных задач, показывая необходимость междисциплинарной подготовки врача. Он подчеркивает, что самый надежный путь, ведущий к истинному познанию, – изучение философии. Врач-философ должен стремиться к познанию высших начал и с его помощью разрешать противоречия, возникающие в процессе эмпирического познания реальности.

Начинать изучение естественных наук, по мнению великого римского врача, следует с математики (геометрии). Исследователь должен научиться осознавать существование бестелесного – иначе невозможно рассуждать о творении мира и Творце. Математика как раз и занимается отвлеченными чистыми формами, которые потом проявляются (осуществляются) в физических телах. «Ибо даже циркуль изображает круг, а линейка призвана к измерению длины, подобно тому как весы опреде-

ляют тяжести. И все эти орудия создал человек, отталкиваясь от природных условий, выше и лучше которых у нас нет никаких иных способов различения. Поэтому с этой истины и надо начать» (см. Приложение, п. 9–10). Владая указанным навыком, врач сможет понимать специфические и общие свойства каждого предмета, распределять их по областям научного знания и отличать истинное от ложного. Такой способ распознавания истины позволяет избежать как чувственного блуждания в мире противоречий и парадоксов, так и бесплодных умозрительных опытов.

Гален – последовательный сторонник эмпирического познания. Именно практическая деятельность по выявлению и накоплению фактов, полагает он, лежит в основе подлинного знания: «Грамматик, ритор, геометр и музыкант обучают таким образом, чтобы у учеников не расстраивалась и не подрывалась вера в их природные возможности, и воспитывают их до тех пор, пока они не станут безупречными в своем деле, но вовсе не заставляют их воздерживаться [от этих дел]» (см. Приложение, п. 5).

Эмпирическое знание, по мнению Галена, нуждается в дальнейшем осмыслении в духе платоновско-аристотелевского понимания объективности естественных наук. В своих трудах он отмечает, что нет никаких сложившихся правил эмпирической оценки вещей, а сиюминутные результаты опыта не могут быть окончательными и исключительными [4]. Изолированные и механически нагроможденные друг на друга реальные события не могут быть полной истиной, так же как буквы без всякого порядка не могут составить слово. «Клянусь богами! – пишет Гален. – Я удивлялся как Фаворин, привыкший использовать в аттическом наречии оба этих термина, не перестает путать “постижимое” и “постижение”, а также “постигаемое представление”... Я же, напротив, считаю, что “постижимое” означает не что иное, как постоянно известное, а “постигать” – значит иметь устойчивое знание. Подобным образом определяется “постижение” и “постигаемое представление” (см. Приложение, п. 2–3).

Таким образом, Гален дает понять, что невозможно спонтанно прийти от понимания одного явления к его правильному понятийному определению, которое бы распространялось на всю группу схожих явлений. Подобный бессистемный опыт не способствует выявлению целостного смысла и обобщению накопленного массива эмпирических данных. Концептуальное понимание целого не может быть достигнуто только при перечислении каких-либо его заметных частей, но при этом только

реальная оценка их связей, роли и места в системе дает нам возможность правильного обобщения [5]. Подобный образ мышления Гален определяет как движение разума, раскрывающее все его потенциальные способности, которые помогают полностью «освоить» предмет познания. Происходит как бы сочетание двух расходящихся смысловых рядов: интеллекта, облагороженного и воспитанного философией, логикой и естественными науками (такими, как геометрия или астрономия), дополняющей ум изобретательности, которая обозначалась как искусство (*ἡ τέχνη*), ремесло врача.

У сторонников лишь опытного знания врачебное искусство ограничивается только практическими средствами и приемами. Вот как об этом рассуждает Гален: «Если же никто не написал об этом различии [и не упражнялся в этом], то таковой уподобляется плотнику, повелевающему ученику отмерить, взвесить [что-либо] или нарисовать круг и не дающему ему измерительную линейку, весы, брусок или циркуль» (см. Приложение, п. 8). Но для истинного определения нет совершенно никакой разницы, отсутствует ли у тебя орган зрения или ты просто не веришь ему. Таким же образом то, что мы устанавливаем разумом [каково оно есть и почему является тождественным самому себе и другому], уподобляясь при этом осламу, не может быть правильно определено, так как осла не имеют достоверного человеческого разума» (см. Приложение, п. 11).

Непримиримыми оппонентами Галена были врачи-методисты, которые опирались на основные принципы атомизма, исключавшего полное и доказательное знание. Гален явно невысокого мнения и о скептиках, считавших, что любые изыскания в области чувственного познания и интеллектуального мировоззрения невозможны. Осуждая скептицизм, Гален проясняет спорные моменты, затрагиваемые ими. Если какие-то внешние характеристики предметов выступают как истинные, а другие – как ложные, то должен существовать некий установленный способ суждения, но которым мы сможем определить, какие из них верны. Такое средство постижения, по мнению скептиков, требует наглядного подтверждения истинности первого суждения, которое, в свою очередь, требует определения дальнейших критериев, и так до бесконечности. В ответ Гален заявляет: это абсурд, «пирроническая» бессмыслица. Невозможно требовать, чтобы устанавливали строгое мерило оценки, предвосхищая чувственное восприятие или логическое подтверждение истинности воспринимаемых объектов.

Важной составной частью философского учения Галена было также критическое осмысление идей стоицизма, согласно которым субъектив-

ный характер чувственных ощущений не подлежит сомнению и из этого следует, что чувственным восприятиям не соответствует ничто реальное в мире. В отношении разума Гален вновь, как и в случае со скептиками, утверждает, что из неразрешенности антиномий не следует их неразрешимость. Недоказуемость аксиом несколько не позволяет возражать против их истинности и возможности служить основой для доказательств. Полемизируя со скептиками, Гален пытался на примере восстановления жизненных сил тела, подверженного болезням, соединить умозрительность философских представлений и конкретное изучение явлений природы. Исключительная увлеченность метафизическими умозрениями прямо вела к распространению оккультных медицинских практик и отрицанию существования каких-либо законов природы, а сугубый эмпиризм (без всякого смыслового и научного представления об этих законах) сводил медицину к грубому ремеслу.

В трактате «Искусство медицины» Гален утверждает, что существует очевидное визуальное различие здорового и болезненного состояния организма [6]. Однако в начале заболевания и при его спаде может наблюдаться среднее неопределенное состояние (*οὐδέτερον*) [7]. Иными словами, легко определить разницу между крайностями (здоровьем и разгаром болезни), случаи же мелких проявлений патологических симптомов гораздо сложнее. При этом Гален подчеркивает (и это крайне важно с точки зрения истории учения о нозологиях), что форма заболевания не зависит от степени ее тяжести. Следовательно, по мнению Галена, важно как можно четче дифференцировать внешние признаки с целью установления границ проявления конкретного заболевания.

Но как определить границы для большого и малого, быстрого и медленного? Гален пытается разрешить эту проблему в сочинении «О распознавании пульсов» [8]. Один из его учеников предположил, что любые границы бесконечны, однако существует ограниченность в том смысле, что можно думать о вещах вне их пределов. Размер города не определен, но ни один город не состоит всего из трех семей и ни один город не простирается на тысячи стадий. Нет горы высотой в один фут, но и гор, которые достают до луны, тоже нет [9]. С этой точки зрения верхний и нижний пределы класса объектов остаются неопределенными. Однако Гален отвергает эту аналогию. По его мнению, не существует верхнего предела слишком большого и нет нижнего предела очень маленького. Такие понятия, как «большой» и «маленький», «твердый» и «мягкий», имеют точное значение только в пределах класса объектов, где есть средняя величина, значение, мера, *«μέσος τε καὶ μέτριον καί*

σοφίετρον», которая может служить в качестве установленного канона и критерия. Эту среднюю величину, говорит Гален, пытаются найти во всем в повседневной жизни. Гуманитарные (свободные) науки особенно настойчиво занимаются ее поиском [10].

Утверждение о том, что представление не всегда становится ясным, пока не сделаны предварительные объяснения, наиболее очевидно в следующем рассуждении Галена [11]: «Поэтому Фаворин смешон, позволяя ученикам умозаключать, не имея установленного средства суждения. Если разуму ничто не очевидно и в нем нет собственной достоверности, то это ведет к разрушению способности к различению. Каков глаз для тела, таков и разум для души» (см. Приложение, п. 11–12).

В качестве метода для различения очень похожих вещей Гален предлагает начинать с самых больших и легко видимых отличий [12], а найдя их, можно идти дальше. Другими словами, следует сначала обозначить две полярные противоположности, а затем постепенно продвигаться от каждой из них в сторону другой, используя те же критерии, которые мы использовали для установления противоположных вещей [13]. Хорошо обученный специалист, сведущий в своем деле, без труда сможет таким способом отделить ложь от истины [14]. Переход от очевидного к неочевидному напоминает понимание произошедшего как следствия. Это не вывод из конкретной воспринимаемой сущности, а скорее вывод из самой природы вещей, «ἐξ αὐτῆς τῆς τοῦ πράγματος φύσεως» [15]. Гален определяет это как «естественный критерий», который должен быть общим для всех: «Ранние [скептики] считали, что необходимо воздерживаться от суждения, подвергая сомнению окончательное утверждение о том или ином явлении. Более поздние скептики, как и Фаворин, довели [понятие] воздержания от суждения до того, что стали сомневаться в самой достоверности солнца» (см. Приложение, п. 1).

Гален отвергает скептические рассуждения о незнании природы вещей, считая их не более чем простой болтовней [16]. В своих действиях в медицине (и в других науках) исследователи, безусловно, доверяют своим чувствам. Поэтому затруднения по поводу отыскания истины не могут помешать ясному и отчетливому восприятию предметов: «Итак, если хочешь, поверь своим глазам, ясно видящим, или языку, ощущающему вкус, что вот это – яблоко, а вот это – инжир» (см. Приложение, п. 10).

Гален также выводит доказательство, используя определения. Термин «лихорадка» обозначает жар и нарушение жизнедеятельности, а определение «ἀνθρώπος» сочетает в себе представления о животном,

рациональном и смертном. Животное, в свою очередь, является организмом, познающим мир с помощью чувственного восприятия. Абсурдно говорить, что тело и чувственное восприятие по отдельности являются чем-то, а тело с чувственным восприятием ничем не является. Также неверно утверждать, что существует тело с чувственным восприятием, но животное таковым не является [17]. Гален постоянно указывает на целесообразность определения, когда общий смысл явления не ясен [18]. Тем не менее существует разница между определениями «смысл» и «сущность» [19]; последнее Гален описывает как «определение, позволяющее изучить сущность вещи» (λγγпт дйдбукблйкът фзт фпы рсБг-мбфпт пзуЯбт). Он утверждает, что образование ведет ученика от «представления», «понимания» (Эннпйб) к познанию «сущности» (пзу-Яб) вещей [20].

Несмотря на кажущееся сходство между определением признаков заболевания врачами-методистами и Галеном, между используемыми ими способами есть существенное различие. Для Галена определение и анализ признаков заболевания представляют собой способность установления логической связи или «умозаключения». Обычно существует причинно-следственная связь между внутренними изменениями в организме и внешним признаком болезни (одно является необходимым условием другого). Гален ищет причины болезни с помощью логических построений, анализируя внешние признаки. Только разрешив эту задачу, определив причину, возможно найти правильное средство излечения [21].

Некоторые последователи Пиррона полагали, что отсутствие единства в определении добра и зла приводит к невозможности принятия четких дефиниций этих основополагающих категорий. Гален им решительно возражает: отсутствие согласия в этом вопросе, по его мнению, возникает из-за того, что медики и философы идут по неверному пути. Вместо аподиктического метода, основанного на логической неотвратимости, применяется диалектический, приводящий к вероятностным суждениям. А ведь последний не исключает возможности и противоположных суждений: «Не уклоняйся от вводимого ранними философами Академии воздержания от суждения. Не гордись, когда исполняешь ремесло грамматика, а выучи как следует то, что говорили твои предшественники» (см. Приложение, п. 8).

Достоверность аподиктического метода вытекает из использования доказательств, опирающихся на истинные, т.е. логические, предпосылки, и зависит от их содержания. Вероятностные суждения могут приводить к ложным выводам, по форме напоминающим истинные. Отсюда следу-

ет необходимость постоянно упражняться в логике и избегать поспешных суждений. Именно так (и никак иначе), по мнению Галена, человек может достичь истинного понимания добра и зла: «При этом в [сочинении] “Алкивиад”, написанном позже указанных, он (Фаворин. – *Авт.*) всячески восхваляет академиков, соглашающихся с противоположными друг другу утверждениями, да и сам позволяет ученикам выбрать более истинные суждения [из противоположных]. В “Алкивиаде” он (Фаворин. – *Авт.*) заявил, что ничто [истинное] не постижимо, в “Плутархе” же он соглашается с существованием чего-то определенного, или, лучше сказать, постижимого, если отвлечься от стоических терминов» (см. Приложение, п. 2).

Гален также убежден, что глупо устраивать умозрительную полемику по отношению к легкопроверяемым вещам. Примером такой полемики служит спор двух философов, один из которых доказывает, что дерево легче воды, другой – что тяжелее. Ведь существует прекрасный способ проверки этих утверждений: достаточно просто опустить деревянное полено в реку. Вместе с тем действительно существуют вопросы, по которым невозможно представить эмпирическое доказательство. Например, имеет ли космос начало? является ли целое конечным или бесконечным? Здесь Гален довольно определенно указывает на ограниченность познавательных возможностей человека. В частности, он прямо говорит о необходимости воздерживаться от вопроса о сущности (пэу-Яб) [22] Творца как вопроса, не имеющего ответа.

В конечном счете, по мнению Галена, человеку следует расписаться в своем неведении там, где логический метод не способен помочь или отсутствует возможность провести испытания либо исследования: «Если не существует способа различения правды и лжи, то никакое их знание невозможно» (см. Приложение, п. 8). Но даже в тех случаях, когда такая возможность имеется, эти исследования должны выполняться после того, как логический вывод будет сделан, поскольку наблюдаемый признак существует сам по себе, без всякого изучения (Ънех фзт реЯсбт), а изучение его необходимо тогда, когда можно установить взаимосвязь очевидного и неочевидного. Последнее возможно только с помощью логических выводов, основанных на истинах, как, например: ничто не происходит без причины; перемена происходит в форме, сходной с формой причины перемены; особенности вещества сопряжены с определенными особенностями сил и т.п.

Для Галена-философа существует определенный реальный объект исследования, который совершает регулярные движения относительно

познающего субъекта. Не случайно в своем основополагающем трактате «О доктринах Гиппократов и Платона» Гален уделяет большое внимание рассуждениям Аристотеля о движении материи, пытаясь оценить весь процесс течения заболевания, высказывая прогностические соображения. Вместо этого для его оппонентов – методистов или эмпириков – имеет значение только наблюдаемое в настоящий момент: «Во всем этом и заключается искусство учителя, именно в таком смысле об этом говорит Платон, как, впрочем, и я тоже в этом убежден» (см. Приложение, п. 12).

Уникальность синтетического мышления Галена состояла прежде всего в том, что он, в процессе клинической практики осмыслив идеи своих предшественников, по сути, сделал их основой собственной комплексной теоретико-практической системы взглядов на больного и механизмы протекания и лечения заболеваний. Именно поэтому, с нашей точки зрения, когда возникает единство теории и практики на основе эмпирического метода познания, это в перспективе приводит к тому, что впервые появляется разделение курса медицины на теоретический и практический уровни, что сохраняется в системе медицинского образования до сих пор. Гален призывает к должному сочетанию теории и практики в процессе врачебной деятельности и к активному использованию философии.

Примечания

1. См.: Балалыкин Д.А. Зарождение медицины как науки в период до XVII века. – М.: Литтерра, 2013; *Он же*. Религиозно-философские системы и их значение для истории медицины // История медицины. – 2014. – № 1. – С. 9–26.

2. См.: Балалыкин Д.А. Религиозно-философские системы и их значение для истории медицины.

3. Цит. по: Балалыкин Д.А., Щеглов А.П., Шок Н.П. Единство философской теории и медицинской практики во взглядах Галена // Философия науки. – 2014. – № 1 (60). – С. 70–85.

4. См.: *Deichgraber K.* Die griechische Empirikerschule. – Berlin, 1930. – S. 96.

5. См.: *Riese W.* The Conception of Disease, Its History, Its Versions and Its Nature. – N.Y., 1953. – P. 86.

6. См.: *Galen. Ars medica* / Ed. by C.G. Kl. – Leipzig: Knobloch, 1821 (repr. Hildesheim: Olms, 1964): 305–412.2.7 (10.126. 10–11 K.). (P. 127.1).

7. Выражение «ни так, ни этак» или «ни то, ни другое» часто употребляемое Платоном.

8. См.: *Galen. De dignoscendis pulsibus. Libri IV* / Ed. by C.G. Kg: Knobloch, 1830 (*Opera omnia*. – V. 8. – Leipzig: Knobloch, 1824 (repr. Hildesheim: Olms, 1965): 766–961. (Cod: 32,375: Med.). t. 8, p. 958. 6 K.

9. Ibid.
 10. Ibid.
 11. См.: *Galen. De placitis Hippocratis et Platonis* // *Galen. On the doctrines of Hippocrates and Plato* [Corpus medicorum Graecorum / Ed. by P. De Lacy. – V. 5.4.1.2, pts. 1–2. – Berlin: Akademie-Verlag, 1978]: 1:65–358; 2:360–608. (Cod: 98, 571: Comm., Med., Phil.).
 12. Ibid.
 13. Ibid.
 14. Ibid.
 15. Ibid. Здесь словосочетание «сама природа вещей» не является перифразой слов «вещь» или «сама вещь». Природа в данном контексте – это что-то, что выходит за пределы индивидуума, нечто, что разделяют и родственные группы, к которым принадлежит индивидуум.
 16. См.: *Galen. De dignoscendis pulsibus*...
 17. См.: *Galen. De differentia pulsuum. Libri iv* / Ed. by C.G. K4 (repr. Hildesheim: Opera omnia. – V. 8. – Leipzig: Knobloch, 1824 (repr. Hildesheim: Olms, 1965): 493–765. (Cod: 44, 391: Med.) 2.3 (8.573. 1–15 K.).
 18. Ibid.
 19. Ibid.
 20. Ibid.
 21. См.: *Galen. De sectis ad eos qui introducuntur* // I. Melem Graec G. Helmreich, Claudii Galeni Pergameni scripta minora / Ed. by J. Marquardt. – V. 3. – Leipzig, 1893 (repr. Amsterdam, 1967): 1–32. (Cod: 6, 494: Med.).
 22. См.: *Galen. De placitis Hippocratis et Platonis*.

Приложение

De optima doctrina, ed. J. Marquardt, Claudii Galeni Pergameni scripta minora, vol. 1. Leipzig: Teubner, 1884 (repr. Amsterdam: Hakkert, 1967): 82–92. (Cod: 1,916: Med.)

ΓΑΛΗΝΟΥ

ΠΕΡΙ ΤΗΣ ΑΡΙΣΤΗΣ ΔΙΔΑΣΚΑΛΙΑΣ.

ГАЛЕН

О НАИЛУЧШЕМ ПРЕПОДАВАНИИ

1. Τὴν εἰς ἑκάτερα ἐπιχείρησιν ἀρίστην εἶναι διδασκαλίαν ὁ Φαβωρίωνος

1. То и другое умозаключение Фаворин¹ считает наилучшими для обуче-

¹ Фаворин (Φαβωρίωνος, лат. Favorinus, Фаворин из Арелата, ок. 81 – ок. 150) – философ-скептик, оратор, софист. Ученик Диона Хризостома (Δίων Χρισόστομος, Дион Хризостом (Златоуст)). По происхождению галл из г. Арелат (совр. Арль). Всегда выступал и писал только на древнегреческом языке. Около 130 г. н.э. Фаворин жил в Риме, где некоторое время был приближен к императору Адриану. В Риме дружил с Плутархом, который посвятил ему книгу. Из достаточно большого числа философских сочинений Фаворина остались лишь небольшие отрывки, сохраненные Авлом Геллием, Диогеном Лаэртским, Филостратом и в византийской энциклопедии Суда. Из текста Галена мы дополнительно узнаем, что Фаворин считал себя последователем афинской Академии (см. ниже) и ссылался на его труд

φησιν. Ὀνομάζουσι δ' οὕτως οἱ Ἀκαδημαῖοι καθ' ἣν τοῖς ἀντικειμένοις συναγορεύουσιν. Οἱ μὲν οὖν παλαιότεροι τελευτᾶν αὐτὴν εἰς ἐποχὴν ὑπολαμβάνουσιν, ἐποχὴν καλοῦντες τὴν ὡς ἂν εἴποι τις ἀοριστίαν, ὅπερ ἐστὶ περὶ μηδενὸς πράγματος ὀρίσασθαι μηδ' ἀποφῆνασθαι βεβαίως. οἱ νεώτεροι δ'—οὐ γὰρ μόνος ὁ Φαβωρίνος—ἐνίστε μὲν εἰς τοσοῦτον προάγουσι τὴν ἐποχὴν, ὡς μηδὲ τὸν ἥλιον

ния. Ведь академики² прибегают к такому способу распознавания [истины], что позволяет им согласиться с противоположным утверждением³. Ранние⁴ [скептики] считали, что необходимо воздерживаться от суждения, подвергая сомнению окончательное утверждение о том или ином явлении. Более поздние⁵ скептики, как и Фаворин, довели [понятие] воздержания от суждения до того, что стали сомневаться в самой достоверности солнца.

«Об академическом устройстве», имевший еще одно название по имени римского друга Фаворина – «Плутарх». Основное философское произведение Фаворина – «Пирроновские тропы» в 10 книгах («Πυρρόνιοι τρόποι»). Небольшие отрывки из него имеются у Филострата и Диогена Лаэртского. Из сохранившихся фрагментов мы можем заключить, что Фаворин также использовал так называемые тропы Энесидема, что подтверждает интеллектуальную близость Фаворина к пирроновскому скепсису.

² Подразумевается Академия в Афинах. Платоновская Академия – религиозно-философское объединение, созданное Платоном в 380-х годах до н.э., недалеко от Афин. Представители Академии первоначально были последователями Платона и находились под влиянием пифагорейзма. Во III и II вв. до н.э. скептическое направление стало ведущим в «Средней Академии», его известными представителями были Аркесилай (315–240 гг. до н.э.) и Карнеад (214–129 гг. до н.э.). В это время полемика академического скептицизма была направлена против стоиков. На смену «скептическому» платонизму в Академию приходит «эклетикий» платонизм, основателем которого является Антиох из Аскалона. Последний этап существования афинской Академии – неоплатонический. В 529 г. указом императора Юстиниана платоновская Академия была закрыта. С этих пор Афины окончательно утратили свое былое значение духовного центра и превратились во всеми забытый провинциальный город. В данном тексте Гален полемизирует с ранними и современными ему представителями скептической философии, так называемой новой Академии. Академические скептики считали, что невозможно любое знание, кроме знания о том, что любое другое знание невозможно.

³ Мы видим, что Гален указывает на непоследовательность представителей скептического учения афинской Академии. Именно их непоследовательность и является главным аргументом Галена против скептического учения.

⁴ Скорее всего Гален имеет ввиду представителей так называемого «старшего пирронизма», относящегося к Пиррону и Тимону Флиунтскому (III в. до н.э.). В настоящее время считается, что первоначальный скептицизм имел преимущественно этический характер.

⁵ «Младший пирронизм» возник уже не в стенах платоновской Академии. В основном поздний скептицизм систематизировал предшествующее скептическое учение. Вместо этической проблематики, главной становится проблематика гносеологическая. Основными представителями позднего скептицизма были Энесидем и Агриппа. Поздний скептицизм был особенно популярен среди врачей «эмпирической» школы, в числе которых был и Секст Эмпирик, главный из известных нам систематизаторов основных положений скептического учения.

2. ὁμολογεῖν εἶναι καταληπτόν, ἐνίοτε δ' εἰς τοσοῦτον τὴν κρίσιν, ὡς καὶ τοῖς μαθηταῖς ἐπιτρέπειν αὐτὴν ἄνευ τοῦ διδασχθῆναι πρότερον ἐπιστημονικὸν κριτήριον. οὐδὲ γὰρ ἄλλο τί ἐστίν, ὁ Φαβωρίνος εἶρηκεν ἐν τῷ 'Περὶ τῆς Ἀκαδημαϊκῆς διαθέσεως', ὁ Πλούταρχος 'ἐπιγέγραπται. λέγει δὲ ταυτὸν ἐν τῷ 'Πρὸς Ἐπικτήτον', ἐν ᾧ δῆθ' ἐστίν Ὀνήσιμος ὁ Πλουτάρχου δοῦλος Ἐπικτήτῳ διαλεγόμενος. καὶ μέντοι κἀν τῷ μετὰ ταῦτα γραφέντι βιβλίῳ, τῷ 'Ἀλκιβιάδῃ' τοῦς Ἀκαδημαϊκοῦς ἐπανεῖ συναγορευόντας μὲν ἑκατέρῳ τῶν ἀντικειμένων ἀλλήλοισι λόγων, ἐπιτρέποντας δὲ τοῖς μαθηταῖς αἰρεῖσθαι τοὺς ἀληθεστέρους. Ἄλλ' ἐν τούτῳ μὲν εἶρηκε πῶς ἑαυτῷ φαίνεσθαι, μηδὲν εἶναι καταληπτόν, ἐν δὲ τῷ Πλουτάρχῳ συγχορεῖν ἔοικεν εἶναι τι βεβαίως γνωστὸν—ἀμεινον γὰρ οὕτως ὀνομάζειν τὸ καταληπτὸν ἀποχωροῦντας ὀνόματος στωικοῦ—. Καὶ ἔγωγ' ἑθαύμαζον νῆ τοὺς θεοὺς, ὅπως ὁ Φαβωρίνος εἰς τὴν τῶν Ἀττικῶν φωνὴν εἰσθῶς μεταλαμβάνειν ἕκαστα τῶν ὀνομάτων οὐ παύεται λέγων οὔτε τὸ καταληπτὸν οὔτε τὴν κατάληψιν οὔτε τὴν καταληπτικὴν φαντασίαν οὔτε τὰ τοῦτοις ἀντικείμενα, οἷον

3. στερητικῶς λεγόμενα ἢ τὴν ἀκατάληπτον φαντασίαν ἢ τὴν ἀκατάληψιν. Αὐτὸς δὲ καὶ τρία βιβλία γράμματος, ἐν μὲν πρὸς Ἀδριανόν, ἕτερον δὲ πρὸς Δρῦσωνα καὶ τρίτον πρὸς Ἀρίσταρχον, ἅπαντα Ἐπικτήτῳ καταληπτικῆς φαντασίας ἐπέγραψε, καὶ καθ' ὅλα γ' αὐτὰ γενναίως ἀγωνίζεται περὶ ὁμοίως ἐπιδεικνύοντα τὴν

2. Ученикам же они не разрешают иметь суждения, если только те не обладают способностью к научному различению. Как сказал Фаворин [в своем сочинении] «Об академическом устройстве», известном как «Плутарх», нет вообще ничего [истинного]. О том же самом он говорит и в [сочинении] «К Эпиктету», в котором диалог с Эпиктетом якобы ведет Онесим, раб Плутарха. При этом в [сочинении] «Алкиваид», написанном позже указанных, он всячески восхваляет академиков, соглашающихся с противоположными друг другу утверждениями, да и сам позволяет ученикам выбрать более истинные суждения [из противоположных]. В «Алкивиаде» он заявил, что ничто [истинное] не постижимо, в «Плутархе» же он соглашается с существованием чего-то определенного, или, лучше сказать, постижимого, если отвлечься от стоических терминов. Клянусь богами! Я удивлялся, как Фаворин, привыкший использовать в аттическом наречии оба этих термина, не перестает путать «постижимое» и «постижение», а также «постигаемое представление» или, например,

3. противопоставляет «непостижимое представление» и саму «непостижимость». Сам же он, написав три книги, одну – к Андриану, другую – к Дрюсону и третью – к Аристарху, назвал их «О непостижимом представлении», упрямо пытаясь доказать, что постигаемых представлений не существует⁶.

⁶ Здесь, безусловно, Гален возражает против крайнего способа метафизической абсолютизации относительности и условности содержания всякого познания в позднем скептицизме. Скептицизм тем самым уже выступает как философское направление, абсолютного

καταληπτικὴν φαντασίαν ἀνύπαρκτον. Ἐγὼ δ' οὐτ' ἄλλο τι τὸ καταληπτὸν ἡγοῦμαι σημαίνει παρὰ τὸ βεβαίως γνωστὸν οὐτ' ἄλλο τι τὸ καταλαμβάνεσθαι τοῦ βεβαίως γινώσκειν, ἀνάλογον δ' αὐτοῖς λέγεσθαι τὴν τε κατάληψιν καὶ τὴν καταληπτικὴν φαντασίαν. Ἐπειδὴ γὰρ ἓνα μὲν οἰόμεθα βλέπειν ἢ ἀκοῦειν ἢ ὅλως αἰσθάνεσθαι, καθάπερ ἐν ὀνειροῖς καὶ μανίας, ἓνα δ' οὐκ οἰόμεθα μόνον ἀλλὰ καὶ κατ' ἀλήθειαν ὁρῶμεν ἢ ὅλως αἰσθανόμεθα, ταῦτ' ἄν μὲν τὰ δευτέρα πάντες ἄνθρωποι πληρὴν Ἀκαδημαϊκῶν τε καὶ Πυρρωνείων εἰς βεβαίαν γνῶσιν ἤκειν νομίζουσιν, ἃ δ' ὄναρ ἢ παραπαιόντων ἢ ψυχῆ φαν-

Я же, напротив, считаю, что «постижимое» означает не что иное, как постоянно известное, а «постигать» – значит иметь устойчивое знание. Подобным образом определяется «постижение» и «постигаемое представление». Иногда мы думаем, что видим, слышим или ощущаем, но на самом деле это сон или расстройство ума. Но порой мы не только представляем себе [нечто], а по настоящему видим и полностью ощущаем то или иное. В последнем случае все люди, кроме академиков и последователей Пиррона⁷, считают, что обладают устойчивым знанием⁸,

4. τάζεται, ψευδὴ πάνθ' ὑπάρχειν. Εἰ μὲν δὴ ἢ συγχωροῦσιν αὐτὸ τοῦθ' οὕτως ἔχειν, ἐξαλειψάτωσαν ἐν οἷς γράφουσι, μήτε τοῦ μαινομένου τὸν σοφρονούντα μήτε τοῦ νοσοῦντος τὸν ὑγιαίνοντα μήτε

4. а мнение потерявших рассудок для них является ложным. Если же [указанные философы] считают именно так, то пусть вычеркнут из тех [сочинений], где они пишут, что находящийся в здра-

сомнения в самом принципе мышления, особенно сомнения в определении и нахождении истины; при этом отвергаются любые эмпирические доказательства, что не было свойственно первоначальному скептицизму того же Пиррона (как мы это видим в изложении Секста Эмпирика «Три книги пирроновых положений»). Пиррон, наоборот, говорит о сомнении не как об основополагающей истине, а как о некоем противодействии метафизическому догматизму, т.е. полемизирует с мнениями, основанными на неизменных вечных положениях, которые невозможно проверить опытным путем.

⁷ Πιρρόν Ἐλιαδικὴν (Πύρρων, ок. 360 до н.э. – 270 до н.э.) – основатель скептицизма. По его мнению, в реальности нет ни безобразного, ни прекрасного, ни добра, ни зла – все одинаково (ἀδιάφορον – безразличное), и поэтому оно не в большей степени одно, чем другое. Все неодинаковое, различное принадлежит к произвольным человеческим взглядам. Подлинная сущность вещей человеку недоступна, поэтому необходимо воздерживаться от всяких суждений. Одно и то же явление оказывает разное влияние на людей. Одну и ту же вещь разные органы чувств воспринимают по-разному. Состояние людей также ведет к различному восприятию. Пиррон считал, что даже мнение сумасшедших не противоречит природе. Тем самым стиралась граница между иллюзией и реальностью, сама реальность у Пиррона превращалась в вымысел. Гален же, напротив, считает состояние сна или безумия иррациональной иллюзией. И здесь Гален полемизирует именно с Пирроном и его последователями, считая что для постижения реальности необходимо полноценное соответствие действительности человека, имеющего здоровое тело и ясный ум.

⁸ У Галена явно прослеживается отсылка к Платону: «ἢ φαντάσια καὶ ἤρα αἴσθησις ταῦτόν» – представление и чувственное восприятие – одно и то же (*Платон*. Тезетг. Перевод наш – *Авт.*). См.: *Plato. Platonis Opera / Ed. by J. Burnet. – Oxford Univ. Press, 1903.*

τοῦ κοιμωμένου τὸν ἐξηγηγότα
 πιστότερον ὑπάρχειν εἰς τὴν τῶν
 πραγμάτων γνώσιν. εἰ δ' οὐδὲν μᾶλλον
 ἐκείνοις ἐστὶν αὐτὰ ἢ τοῖς ἐναντίας
 διακειμένοις γνωστά, συγκέχεται μὲν
 διήπου τὰ τῆς ἀληθείας κριτήρια· οὐτ'
 αὐτὸς ὁ διδάσκαλος ὁ Ἀκαδημαϊκὸς οὔθ'
 ὁ μαθητὴς αὐτοῦ δυνήσεται κρίναι τοὺς
 εἰς ἑκάτερα [τῶν ἀντικειμένων]
 εἰρημένους λόγους. [ἔτι δ' οὐ
 δεησόμεθα τὴν ἀρχὴν ἡμεῖς τοιοῦτων
 διδασκάλων, δυνάμενοι γε καὶ αὐτοὶ τὰ
 γεγραμμένα τοῖς ἀπὸ τῶν αἰρέσεων
 ἀντιδιηρημένον ἀναγιγνώσκειν καὶ οὐδὲν
 ἤττον τῶν Ἀκαδημαϊκῶν εἰδέναί, ἐὰν
 ἀσαφὲς αὐτῶν τι ἦ, τὸ μὲν παρὰ [τῷ
 Χρυσίππῳ] τοῖς Στωϊκοῖς διδασκάλοις,
 [ἀσφαλέστερον ὀνομάζειν ἐστὶ] τὸ δὲ
 παρὰ [Θεοφράστῳ καὶ Ἀριστοτέλει] τοῖς
 Περιπατητικοῖς. οὕτω δὲ κατὰ τῶν ἄλλων,
 ὥστ' οὐδὲν ἂν τι λείπεται πρὸς
 διδασκαλίαν τοῖς Ἀκαδημαϊκοῖς, ὅσον ἐπὶ
 τῷ Φαβωρίνου λόγῳ.] Τοῖς μὲν γὰρ
 πρεσβυτέροις αὐτὸ δὴ τοῦτ' ἦν διδάγμα, τὸ
 μηδὲν εἶναι κριτήριον ἀνθρώπῳ
 δεδόμενον

вом уме не более достоверен в постижении вещей, чем безумный, а здоровый ничем не лучше, чем больной, а бодрствующий – чем спящий. Если же им неизвестны эти противоположности, то и способы постижения истины для них будут невозможны. В этом случае ни преподаватель из [платоновской] Академии, ни его последователь не сможет выделить лучшее из двух противоположных утверждений.

(Кроме того, у нас нет нужды следовать подобным учителям, мы и сами в состоянии понять изложенное противоположными философскими школами, да и знаем мы не меньше, чем [философы] Академии. Если же имеются какие-то темные места у [Хрисиппа⁹] или у стоических учителей), то [наиболее убедительно это изложено] у [Теофраста¹⁰ и Аристотеля] и перипатетиков¹¹. Можно также обратиться и к другим [философам], таким образом, не останется никаких неясностей по поводу преподавания у философов Академии, разве только в речи Фаворина).

Более старшие из них наставляли следующим образом: «У человека нет никакой меры,

⁹ Хрисипп из Сол (Χρυσίππος ὁ Σολεύς, 281/278 до н.э., Солы в Киликии – 208/205 до н.э.) – один из основателей стоической философской школы. Написал большое количество сочинений (как сообщает нам Диоген Лаэртский, труды Хрисиппа составляли 705 книг), но ни одно из них до нашего времени не дошло.

¹⁰ Теофраст Эрисийский, Тиртамос (Θεόφραστος, лат. Theophrastus Eresios; род. ок. 370 до н.э., Эрес, о, Лесбос, – ум. м. 288 и 285 до н.э., Афины). Философ, ближайший друг Аристотеля. Один из основателей истории философии, особенно психологии и теории познания. Поэтому становится понятна отсылка Галена к Теофрасту для выяснения «темных мест» у Хрисиппа.

¹¹ Перипатетики (περιπατέω) – прогуливаться, прохаживаться вокруг) – последователи Аристотеля, продолжатели его философских взглядов. Название школы возникло из-за привычки Аристотеля прогуливаться с учениками во время занятий. Еще школа Аристотеля называлась «Ликей» (Λύκειον) – по названию расположенного вблизи от училища, где преподавал Аристотель, храма Аполлона Ликейского в восточной части Афин. Основана в 335 г. до н.э.

5. ὑπὸ τῆς φύσεως, ἢ παραβάλλον ἕκαστον τῶν ὄντων ἀκριβῶς διαγνώσεται. διὸ μηδ' ἀποφίνασθαι περὶ μηδενὸς ἤξιον ἀλλὰ περὶ πάντων ἐπέχειν. [ἀλλ' εἰ δὴ τοῖς φυσικοῖς κριτηρίοις αἰσθησιν ἰκανῶς συγγωρήσουσιν ἡμῖν, οὐδὲν ἐπι δεησόμεθα τῆς εἰς ἑκάτερα ἐπιχειρήσεως, ἀλλ' ἑτέρας τινὸς παιδείσεως μᾶλλον, οἷαν τοὺς τεχνίτας παρέχοντας <ὀρώμεν> τοῖς μαθηταῖς, εὐθέως κατὰ τὸ λογίζεσθαι τὸ καλούμενον ὑπὸ τῶν πολλῶν ψηφίζεσθαι. τοῦτο δ' ἔστι τὸ ἐπιστήναι τῷ γυμναζομένῳ καὶ τοῦτος προσέχειν τὸν νοῦν, ἐν οἷς σφάλματα καὶ ταῦτα ἐπανορθοῦσθαι μόνον. παραπλησίως δὲ καὶ ὁ παιδοτρίβης ἐπανορθοῦται τὰ τῶν παλαιόντων ἀμαρτήματα καὶ ὁ γραμματικὸς καὶ ὁ ῥήτωρ καὶ ὁ γεωμέτρης καὶ ὁ μουσικὸς οὕτω διδάσκουσιν, οὐ διασειόντες οὐδὲ σαλεύοντες τῶν μαθητῶν ἢν ἔχουσι πίστιν ἐπὶ τοῖς φυσικοῖς κριτηρίοις, ἀλλ' ἐφεστῶτες αὐτοῖς γυμναζομένοις ἄχρι περ ἂν ἀναμαρτήτους αὐτοὺς ἀποδείξουσιν ἐν ταῖς κατὰ μέρος ἐνεργείαις, ἀλλ' οὐχὶ τὴν ἐποχὴν εἰσάγοντες. [οὗτοι γάρ εἰσιν οἱ καὶ ταῖς ἐναργεῖς αἰσθήσεις

6. ἀπιστεῖν ἀνατιθέντες ἢ τῶν ὑπὸ ἰ του βεβαίως γγνωσκομένων καταφρονεῖν]].

5. данной природой», по сравнению с которой можно точно распознать сущее. Отсюда они полагали, что ни о чем нельзя высказываться, а следует воздерживаться от всякого суждения.

(Но если они признают, что нам достаточно данных природой чувственных средств суждения, то мы не будем доказывать [преимущество] того или иного способа образования, но предпочтем иной, лучший. Как мы знаем, даже ученикам дано правом большинством голосов выбирать себе мастеров. Для упражняющего важно знать, в чем он ошибается, чтобы направить свой ум на исправление. Именно так преподаватель гимнастики поправляет ошибки борцов. Грамматик, ритор, геометр и музыкант обучают таким образом, чтобы у учеников не расстраивалась и не подрывалась вера в их природные возможности, и воспитывают их до тех пор, пока они не станут безупречными в своем деле, но вовсе не заставляют их воздерживаться [от этих дел]). (Ибо таковы те, кто заявляет, что не верят

6. или презирают очевидные и опеределенные ощущения). Поэтому и Карнеад¹² не хочет верить в совершенно

¹² Карнеад (род. 214 до н.э., Кирена, Сев. Африка, – ум. 129 до н.э., Афины) – основатель новой, третьей, Академии в Афинах. Отрицал знание и возможность окончательного доказательства. Создал понятие вероятности и делил вероятность на три части: «представления вероятны только для того, кто их придерживается», «представления вероятны и не оспариваются теми, кого они касаются»; «представления абсолютно бесспорные». Утверждал, что если бы существовал способ различения истины, то он должен был бы быть основан или на разуме, или на чувствах, или на понятиях. Однако разум основывается на понятиях, которые опираются на чувства, но невозможно определить, истинны ли наши чувства или нет. Если чувства неистинны, то они создают ложные идеи. Поэтому невозможно считать истинными разум, чувства и разум. Между тем должны существовать некие правила различения. Нельзя утверждать что-либо как абсолютную истину, но можно устанавливать различные степени вероятности постижения. И хотя мы не можем утверждать, что те или иные умозаключения и чувства являются истинными, некоторые чувства кажутся нам более верными, чем другие, и мы должны полагаться на те чувства, которые кажутся наиболее верными.

Ὁ γοῦν Καρνεαδῆς οὐδὲ τούτῳ τῶ πάντων ἐναργεστάτῳ συγχωρεῖ πιστεύειν, ὅτι τὰ ταῦτῳ ἴσα μεγέθη καὶ ἀλλήλοισ ἴσα γίνεταί. Καὶ μὲν οὖν λόγους, οἷς ἐπιχειρεῖ καταλύειν ταῦτα καὶ ἄλλα ἀάμπολλα τῶν ἐναργῶς τ' εἶναι σοι φαινομένων καὶ πιστευομένων, ἔτι καὶ εἰς τόδε σωζομένους ἔχομεν. ἀπόκειται γὰρ ἐν γράμμασιν ὑπὸ τῶν μαθητῶν αὐτοῦ θησαυρισθέντες, αἱ λύσεις δ' οὐθ' ὑπ' ἐκείνων οὐθ' ὑπ' ἄλλου πινὸς εὔρηται τῶν μετ' αὐτὸν Ἀκαδημαϊκῶν. Ἄλλ' οὖν, εἰ καὶ μηδὲν ἄλλο, τοῦτο γοῦν ἐδήλωσε μόνον, ὅτι σοφίσματ' εἰσὶν οἱ λόγοι πάντες οὔτοι, καὶ ζητητέον τὴν λύσιν αὐτῶν ὑμῖν, ὧ μαθηταί. μοχθηρὸν μὲν γὰρ τοῦτο, δικαιοτέρον δ' ὅμως οὐ πεποιθήσασιν οἱ γράψαντες μὲν αὐτούς, μὴ δηλώσαντες δ' ὑμῖν, ὅποιοί τινές εἰσιν. Ἠδέως ἂν ἠρόμην, εἰ παρῆν ὁ Φαβωρίνος, ἄρα γε κελεύει με πείθεσθαι τοῦτοις ἅπανσι τοῖς λόγοις ἢ σκοπεῖσθαι, πότερον ἀληθεῖς εἰσιν ἢ ψευδεῖς;

7. εἰ γὰρ δὴ ἢ σκοπεῖσθαι συνεχώρησεν, ἠρόμην ἂν ἐπὶ τῶδε πάντως, εἰ φύσει πᾶσιν ἀνθρώποις ὑπάρχει διακρίνειν ἀληθεῖς λόγους ψευδῶν ἢ εἰ μέθοδος ἔστι τῆς ἐκατέρων γνώσεως; εἰ μὲν γὰρ φύσει, πῶς οὐχ ὁμολογοῦμεν ἀλλήλοισ ἅπαντες οὐδ' ὡσαύτως ἀποφανόμεθα περὶ τῶν αὐτῶν; εἰ δὲ μέθοδος τίς ἔστιν, αὐτὴν πρότερον ἂν μαθεῖν ἐδεήθη.

[ἐξῆς δ' ἐπιστατοῦντας αὐτούς γυμνάσασθαι πολυειδῶς ἐπὶ πραγμάτων πλείονων ὥσπερ τοὺς παλαίειν μαθάνοντας ἢ σκοτοτομεῖν ἢ οἰκοδομεῖν ἢ ναυπηγεῖν ἢ ῥητορευεῖν ἢ ἀναγιγνώσκειν ἢ γράφειν ἢ ὅλως ὀτιοῦν ἐνεργεῖν κατὰ τέχνην.]

очевидное, например тому, что равные одному величины равны между собой. Мы помним его речи, в которых он опровергает очевидные и неочевидные истины, по записям его учеников. Но ни ими, ни кем-либо из философов Академии не было найдено решение этого затруднения. На самом деле все эти речи – лишь хитрые уловки (софизмы. – *Авт.*), а подлинный ответ надо искать вам, о мои ученики! Все их речи жалки, они не написали ничего истинного, при этом скрыв от вас, каковы они на самом деле. Хотелось бы мне, чтобы Фаворин был здесь. Сможет ли он убедить нас поверить всем этим речам или он вначале все же исследовал, правдивы они или ложны?

7. Если же он согласен исследовать, то я бы непременно спросил его о том, имеют ли люди природную возможность отделять правдивые речи от ложных или же существует иной способ различения одного и другого? Если мы имеем природную способность, то почему мы не согласны друг с другом и не судим обо всем одинаковым образом? А если же есть [разумный] способ различения, то следовало бы его вначале изучить.

(Впоследствии, управляя самими собой, мы можем всячески упражняться во множестве дел, подобно изучающим спортивную борьбу, сапожное дело, управление хозяйством, кораблестроение, ораторское искусство, а также читающим и пишущим или совершенствуемся во всех остальных искусствах).

Εἰ μὲν οὖν ἔγραψέ τις τῶν Ἀκαδημαϊκῶν, οἷον μὲν τι χρήμιά ἐστιν ἀπόδειξις, οἷον δὲ σόφισμα καὶ ὡς χρή διαγινώσκειν αὐτὰ [καὶ ὡς χρή γυμνάζεσθαι κατ' αὐτὰ], προσηκόντως ὁ Φαβωρίνος ἐπιτρέπει τὴν κρίσιν τοῖς εἰς ἑκάτερα ἐπιχειρουμένοις τῶν μαθητῶν.

[πλὴν ὅτι περιττόν ἐστιν, εἰ διδάσκει ὁ Ἀκαδημαϊκὸς ἕκαστον τῶν εἰρημένων, ἔχοντων δὴ ἡμῶν τοὺς ἰδίους τῶν δογμάτων διδασκάλους.]

8. Εἰ δ' οὐκ ἔγραψέ τις ἢ ὑπὲρ τῆς διαφορᾶς αὐτῶν [οὐτ' ἐγύμνασεν], ὁμοίον τι ποιεῖ τέκτονι κελεύοντι τῷ μαθητῇ μετρησαί τε καὶ στήσαι καὶ ἀποτείνειν καὶ κύκλον γράψαι χωρὶς τοῦ πῆχυν δοῦναι καὶ ζυγὸν καὶ κανόνα καὶ καρκίνον. [ἀλλ' ἴσως φησὶ μηδὲν εἶναι τοιοῦτον ἐν φιλοσοφίᾳ καὶ

δόγμασι. μὴ τοίνυν ἐπιπροσποιοῦ γινώσκων τι μηδ' ἀποφάναι μηδ' ἀποδίδρασκε τὴν ὑπὸ τῶν πρεσβυτέρων

Ἀκαδημαϊκῶν εἰσαγομένην ἐποχὴν, μηδὲ σεμνύνου γραμματικοῦ ποιῶν ἔργον, ἄπερ εἰρήκασιν οἱ πρόσθεν

ἐκμελετηκῶς. ὅτι δ' αὐτῶν ὑγιές ἐστιν οὐδέν, εὐδηλον ἐννόω. οὐδὲ γὰρ διδασκάλου τό γε τοιοῦτόν ἐστιν ἀλλ' ἀδολεσχία τις ἢ λήρος.] Πόθεν οὖν ἐλπὶς ὑπολείπεται τῆς τῶν ἀληθῶν εὐρέσεως; ᾧ γὰρ οὐδὲν ὑπάρχει κριτήριον ἀληθῶν καὶ ψευδῶν, ἀνέλπιστος ἡ γνώσις αὐτῶν. [ἔγγειρήσον δὲ διδάξαι μόνον σοφιστὰς μηδὲν ἡμῖν ὑπάρχειν κριτήριον σύμφυτον, ὥστε γε μετὰ τοῦτο τολμηρῶς ...

ἡμῖν μέντοι ἴσως φᾶσιν, αἴσθησίν τε καὶ νόησιν ἐναργῆ κριτήρια τοῦ ἀληθοῦς εἶναι συγχωρήσειεν ἂν τις ἐν

Если кто-то из философов Академии захочет определить, что такое дедуктивное (силлогическое. — *Авт.*) доказательство, а что такое софизм, то ему следует знать, как их распознать [и как необходимо упражняться в этом]. Но странным образом Фаворин позволяет своим ученикам утверждать сразу два этих положения.

(Кроме того, какое из этих мнений является ложным, если философ из Академии обучает обоим как истинным? У нас же при этом есть собственные учителя, принимающие на веру непреложные истины).

8. Если же никто не написал об этом различии [и не упражнялся в этом], то таковой уподобляется плотнику, повелевающему ученику отмерить, взвесить [что-либо] или нарисовать круг и не дающему ему измерительную линейку, весы, брусок или циркуль.

(Но, возможно, он говорит, что ничего подобного не находится в философии или в учениях, использующих догмы (т.е. неизменные вечные положения, не подвергаемые рассмотрению. — *Авт.*) и опирающихся на них. Поэтому не делай вид, что ты нечто знаешь! Не уклоняйся от вводимого ранними философами Академии воздержания от суждения. Не гордись, когда выполняешь ремесло грамматика, а выучи как следует то, что говорили твои предшественники. Благоразумному человеку совершенно очевидно, что все это не обучение, а пустая болтовня).

Итак, остается ли надежда на отыскание истины? Если не существует способа различения правды и лжи, то никакое их знание невозможно.

(Попытайся убедить софистов, что у нас нет никакого врожденного способа

9.λογικαῖς ἢ κυλινδεῖσθαι
 βουλόμενος ἐλπῖσι ματαίαις.]
 Ὅσοι δ' ἀνηρήκασιν ὄλην τὴν
 ἐλπίδα, καθάπερ
 ἐκεῖνος, μάτην ἐφλυάρουν. Εὐδηλος
 οὗν ἔστιν ὁ Φα-
 βωρίνος αἰδοῦμενος μὲν ἀνατρέπειν
 πάντα καὶ ἀγνοεῖν
 ὑπάρχον ὁμολογεῖν, ὃ δῆθεν
 ὑπάρχειν οἱ πρόσθεν ἔλε-
 γον Ἀκαδημαῖκοί τε καὶ
 Πυρρώνειοι, προσποιούμενος
 δ' ἐπιτρέπειν τὴν κρίσιν τοῖς
 μαθηταῖς, ἦν οὐδ' ἕαυ-
 τοῖς ἐπέτρεψαν οἱ πρὸ αὐτοῦ.
 Ὅτι μὲν οὖν ἡ τοιαυτὴ διδασκαλία
 τῶν
 μανθανόντων ὀπιοῦν, οἷαν ἐννοεῖται
 Φαβωρίνος, οὐ
 μόνον οὐκ ἔστιν ἀρίστη τῶν ἄλλων,
 ἀλλ' οὐδὲ διδα-
 σκαλία, τὴν ἀρχὴν ἐναργῶς οἶμαι
 δεδιδάχθαι· οἷας δ'
 οἱ λοιποὶ πάντες, διδασκαλία μὲν
 εἰσιν, εἰ δ' ἄρισται,
 σκοπῶμεν, ἐξ ἀρχῆς ἀπὸ τῶν αὐτῶν
 αὐθις ἀρξάμενοι.
 Φαίνεται γὰρ ἡμῖν ἐναργῶς τοῦτο,
 κἂν ὅτι μάλιστ'
 αὐτοῖς ἄπιστον ἐργάζεσθαι
 σπουδάζωσιν οἱ σοφισταί,
 εἶναι κριτήριον φυσικόν. ὁ μὲν γὰρ
 καρκίνος γράφει
 τὸν κύκλον, ὃ δὲ πῆχυσ διακρίνει τὰ
 μήκη καθάπερ

различения, и только после этого отваж-
 но¹³ ... возможно, они скажут, что ощу-
 щение и мышление – очевидные спосо-
 бы различения истины, и, наверное, кто-
 то согласился бы с этим...

9. ... желает блуждать в напрасных
 надеждах). Впрочем, те, кто уничтожили
 всякую надежду [на познание], говорили
 пустое. Ведь ясно, что Фаворин, с одной
 стороны, стыдится все ниспровергать и
 сомневается в том, что говорили преж-
 ние академики и последователи Пирра, а
 с другой – разрешает своим ученикам
 пользоваться суждениями, которые,
 безусловно, не разрешили бы более
 ранние скептики.

Стало быть, подобный способ обу-
 чения чему бы то ни было, который
 имеет в виду Фаворин, не только не
 лучше всех остальных, но и вообще не
 обучение. Я думаю, что с самого начала
 это было ясно растолковано. Являются
 ли все остальные способы обучением и
 насколько они лучше, мы рассмотрим с
 самого начала. Нам кажется очевидным,
 что даже то, что софисты пытаются
 доказать как неправдоподобное, может
 являться у них природным способом
 различения. Ибо даже циркуль изобра-
 жает круг, а линейка призвана к измере-
 нию длины, подобно тому как

¹³ Здесь и далее утрачена часть текста.

10. τὸ ζυγὸν τὰ βάρη. Ταῦτα δ' αὐτὸς κατεσκεύασεν ἢ ὁ ἄνθρωπος ἐκ τῶν φυσικῶν ὀργάνων τε καὶ κριτηρίων ὁρμώμενος, ὧν ἀπωτέρω κριτήριον οὔτε πρεσβύτερον οὔτε σεμνότερον ἔχομεν. Δεῖ τοίνυν ἐντεῦθεν ἀρχεσθαι. λέγει γὰρ πάλιν ὁ νοῦς, ὡς πιστεῦσαι μὲν ἢ ἀπιστῆσαι τῶ φυσικῶ κριτηρίῳ δυνατὸν ἡμῖν ἐστί, κρίναι δ' οὐ δυνατὸν αὐτὸ δι' ἑτέρου τινός. ὧ γὰρ κρίνεται ἄλλα πάντα, πῶς ἂν τοῦτο πρὸς ἄλλου κριθείη; Πίστευε οὖν, εἰ βούλει, τοῖς ὀφθαλμοῖς ἐναργῶς ὀρῶσι καὶ τῇ γλώττῃ γενομένην, τοῦτι μὲν μῆλον εἶναι, τοῦτι δὲ σύκον, ἢ μὴ πίστευε. [πίεσομαι ὁ βούλει ποιεῖν ἐρ' ἡμῖν.] εἰ μέντοι σπεύδεις διαλέγεσθαι μοι [μὴ πιστεῦοντος δὲ ὡς παρὰ φύσιν ἔχοντος ἀπίσταμαι] κείσθω πρότερον ἀπιστεῖν σε, μηδὲν ἔλπιδε μαθήσεσθαι παρ' ἐμοῦ. τοῦτο γὰρ ἄρτι πέπαυμαι λέγων· ὑποκείσθω δέ σε πιστεῦειν, ἐλπίζειν ἐσται μαθήσεσθαι παρ' ἐμοῦ. Κρίνω δ' ἐγὼ τὰ μὲν αἰσθητὰ τοῖς ἐναργῶς αἰσθήσει φαινόμενοις, τὰ δὲ νοητὰ τοῖς ἐναργῶς νοουμένοις. Ἐπεὶ δ' ἐκ τῶν φυσικῶν κριτηρίων αἱ τέχναι πάσαι κατασκευάζουσιν ὄργανα τε ἢ καὶ κριτήρια τεχνικά, δι' ὧν τὰ μὲν αὐτὰ συντιθέασι, τὰ δ' ὑφ' ἑτέρων συγκείμενα κρίνουσι, κἀγὼ διδάξω ὄλως ὄργανα τε καὶ κριτήρια, τὰ μὲν, οἷς κατασκευάσεις τοὺς ἀληθεῖς λόγους, τὰ δ', οἷς τοὺς ὑφ' ἑτέρων γεγονότας κρινεῖς. ἔχει γὰρ οὕτω τὸ πᾶν· εἰ μὲν ἐξ ἑαυτοῦ τι φαίνεται πρὸς αἴσθησιν ἢ νόησιν ἐναργῶς, οὐ χρῆζει τοῦτο

10. весы определяют тяжести.

И все эти орудия создал человек, отталкиваясь от природных условий, выше и лучше которых у нас нет никаких иных способов различения. Поэтому с этой истины и надо начать. Разум вновь подсказывает, что можно верить или не верить в данную природой способность суждения, но невозможно судить о чем-либо через что-то другое. Каким образом то, чем определяется все остальное, может устанавливаться чем-то другим?¹⁴ Итак, если хочешь, поверь своим глазам, ясно видящим, или языку, осязающему вкус, что вот это яблоко, а вот это – инжир. Но ты можешь и не считать это реальностью. (Я же буду верить в то, что ты желаешь сделать с нами). Если же ты спешишь поговорить со мной (не веря в то, что имеешь от природы возможность познания, тогда я воздержусь от суждения), то положим, что изначально ты не веришь мне, но тогда не надейся, что чему-то можешь научиться от меня. Ведь я сразу прервал тебя, говоря, что основой нашей беседы будет твоя вера ко мне, только в этом случае существует надежда научиться от меня. А я считаю, что воспринимаемое чувствами соответствует этим чувствам, а умопостигаемое соответствует тому, кто его постигает (т.е. субъекту. – *Авт.*)¹⁵. Когда с помощью оснований, заложенных в природе,

¹⁴ Возможно, здесь Гален имеет в виду изречение Филолая в его сочинении «О природе»: «Сущность вещей, которая вечна, и сама природа требуют божественного, а не человеческого знания. Кроме того, ничто из того, что есть и познается нами, не могло бы возникнуть, если бы не было в наличии сущности вещей, из которых составилась космос: и ограничивающих и безграничных элементов» (цит. по: *Фрагменты* ранних греческих философов. – М., 1989. – С. 442–443).

¹⁵ Скорее всего подразумевается гармоничное устройство космоса, устанавливающее не менее созвучные законы мироздания, в которых заключены единство во множестве и множестве в единстве – ἐν καὶ πολλὰ.

ζητήσεως, εἰ δὲ μή τι τοιοῦτον ὑπάρχει,
 τῆς ἐξ ἑτέρου γε προσδεῖται γνώσεως.
 Ἐγὼ μὲν ἐπαγγέλλομαί σοι διδάξαι ἓνα
 μὲν τοῖς κατὰ τὰς τέχνας ὄργανοις
 ἀνάλογα, ἐξ ὧν εὐρήσεις τὸ ζητούμενον,
 ἓνα δὲ τοῖς κριτηρίοις, ἐξ ὧν τὸ δοκοῦν
 εὐρησθαι κρινεῖς. ἐπειδὴν δὲ μάθης ταῦτ',
 ἐπὶ πολλῶν παραδειγμάτων γυμνάσω σε
 ταχέως θ' ἅμα καὶ ἀκριβῶς εὐρίσκειν καὶ
 κρίνειν τὸ ζητούμενον, ὥστ' οὔτε βιβλίου
 δεῖση τινὸς ἔτι ἤδη πρὸς τὴν τῶν ἀληθῶν
 εὐρεσιν οὔτε διδασκαλίας ἑτέρας, εὐθὺς δὲ
 δήπου καὶ τοὺς ἄλλοις τι λέγοντας ὧν εὐρες
 ἐτοίμως γνωριεῖς, ὥσπερ γὰρ ὁ τὴν
 εὐθεΐαν

11. ὁδὸν γινώσκων μίαν οὖσαν οὐ
 δεῖται διδασκαλίας ἑτέρας εἰς ἔλεγχον
 τῶν πεπλανημένων, οὕτως ὁ τὴν εὐθεΐαν
 ὁδὸν τῆς ἀποδείξεως ἐκμαθὼν εὐθὺς ἅμα
 ταύτη καὶ τὰς πεπλανημένων γνωρίζει.
 Φαβωρίνος δὲ μοι δοκεῖ παραπλήσιόν τι
 ποιεῖν τῷ φάσκοντι τυφλὸν σε εἶναι,
 δύνασθαι δὲ κρίναι, πότερος ἡμῶν ἐστὶ
 ῥυπαρώτερος ἢ λευκότερος, οὐκ ἐννοῶν,
 ὅτι τῷ μέλλοντι τὰ τοιαῦτα κρίνειν
 ὑπάρχειν χρηρὸν πρότερον ὄνιν. οὐ μὴν οὐδὲ
 διαφέρει πρὸς τὴν κρίσιν ἢ μηδ' ὅλως

изготавливаются орудия и устанавливаются основы мастерства, благодаря этому орудия получают возможность созидать самим, а способы мастерства дают возможность оценивать созданное другими. Я же буду обучать вас инструментам и способам: с помощью одних ты сможешь составлять правдивые речи, а иные помогут тебе судить сказанное (досл.: порожденное. – *Авт.*) другими. Ведь все устроено таким образом, если нечто выглядит очевидным для чувств и разума, то оно не нуждается в исследовании, если же нет, то тогда оно нуждается в изучении через другое. Я предлагаю тебе соразмерно овладеть средствами мастерства, что поможет тебе найти искомое, а также способами, с помощью которых ты сможешь определять обнаруженное. После того, как ты изучишь это, я буду с помощью многих примеров тренировать тебя быстро и одновременно точно находить и определять искомое, так, что для нахождения истины ты не будешь нуждаться ни в какой книге. Тебе не будет необходимо иное обучение, ты сразу наверняка определишь в других высказываниях нечто отличное от того, что ты обнаружил. Подобно тому, как знающий, что прямая дорога

11. – единственное, что не позволяет заблудиться [дословно: не имеющая дополнительной нужды в объяснении заблудшим], так и изучивший прямую дорогу доказательств, сразу узнает заблудившихся в своих умозаключениях. Мне кажется, что Фаворин делает нечто подобное, убеждая говорящего, что он слеп и не может различить, кто из нас более загрязнен или более чист, не принимая во внимание, что собирающемуся определять это, следует прежде

ἔχειν ὄψιν ἢ ἔχοντα μὴ πιστεύειν αὐτῆ.
κατὰ δὲ τὸν αὐτὸν τρόπον ὅσα νῶ
κρίνομεν [ὁποῖόν ἐστί τι, καὶ ὅτι τὰ τῶ
αὐτῶ ἴσα καὶ ἀλλήλοισ ἴσα ὑπάρχει]
καθάπερ τοῖς ὄνοις οὐκ ἂν τις ἐπιτρέψειεν,
ὅτι μὴδ' ὄλως ἔχουσι νοῦν, οὕτως οὐδὲ
τοῖς ἀνθρώποις, εἰ μὴδ' οὗτοι πιστὸν
ἔχουσι τὸν νοῦν· οὐδὲν γὰρ διαφέρει πρὸς
τὴν τῶν κρίνομένων πίστιν, ἢ μὴδ' ὄλως
ἔχειν τι κριτήριον ἢ λαβόντα μὴ πιστεύειν
αὐτῶ. Γελοῖος οὖν ἐστὶν ὁ Φαβρωῖνος
ἐπιτρέπων κρίνειν τοῖς μαθηταῖς ἄνευ τοῦ
συγχωρήσαι τὴν πίστιν τοῖς κριτηρίου. εἰ
γὰρ οὐδὲν ἐστὶν ἐναργὲς τῶ νῶ ἢ

всего иметь зрение. Но для истинного определения совершенно нет никакой разницы в том, отсутствует ли у тебя зрения или ты просто не веришь ему. Таким же образом, то что мы устанавливаем разумом [каково оно есть, и почему является тождественным самому себе и друг другу] и уподобляемся при этом осламу, то оно не может быть правильно определено, так как осла не имеют достоверного человеческого разума. Тогда нет никакой разницы для доказательства того, о чем судят, если нет совершенной способности различения, или же, при ее наличии, ей не верят. Поэтому Фаворин смешон, позволяя ученикам умозаключать без того, чтобы не иметь установленного средства суждения. Если разуму ничто не очевидно

12. ἢ πιστὸν ἐξ ἑαυτοῦ, διέφθαρται
πάντων ἢ κρίσις. εἰ δ' ἔστι μὲν οἷός περ
ὀφθαλμὸς ἐν σώματι, τοιοῦτος ἐν ψυχῇ
νοῦς, οὐ μὴν ἅπασι γ' ὁμοίως ὀξύς,
ἐγγωρεῖ, καθάπερ ὁ βλέπων ὀξύτερον
ἐπάγει πρὸς τὸ θέαμα τὸν ἀμβλύτερον
ὄροντα, κατὰ τὸν αὐτὸν τρόπον κατὰ τῶν
νοημάτων ὑπὸ τῶν φθασάντων ἰδεῖν
ἐναργῶς τὸ νοητὸν ἐπάγεσθαι πρὸς τὴν
θέασιν αὐτοῦ τὸν ἀμβλύτερον. καὶ τοῦτ'
ἐστὶν ὁ διδάσκαλος, ὡς ὁ Πλάτων τέ φησι
κάγω πείθομαι. καὶ γέγραπται γέ μοι περὶ
τούτων ἐπὶ πλέον ἐν τῇ 'Περὶ ἀποδείξεως'
πραγματεία. [ὅτι τοιαύτη τις οὔσα ἦν πρὸς
τὴν νόησιν ἐναργῆ ἢ διδασκαλία.]
γέγραπται δὲ καὶ ὅπως ἂν τις ὀρμώμενος
ἀπὸ τῶν ἐν ἐκάστω στοιχείῳ καὶ ἀρχῶν
ἀποδεικνύοι κάλλιστα πᾶν, ὅσον
ἀποδειχθῆναι δυνατόν, οὐχ ὡς ὁ
θαυμαστὸς Φαβρωῖνος, ὃς ἐν ὄλον
γρίνας βιβλίον, ἐν ᾧ δείκνυσι, μὴδὲ τὸν
ἥλιον εἶναι καταληπτόν, ὡς ἐπιλήσμοισιν
ἡμῖν ἐτέρωθι διαλέγεται συγχωρεῖ τέ τι

12. и в нем нет собственной достоверности, то это ведет к разрушению способности к различению. Каков глаз для тела, таков и разум для души. Конечно не у всех зрение одинаково остро, некоторые видят образ гораздо хуже, но при этом видят его. Также и с разумом, некоторые видят умопостигаемое отчетливо, но и более ограниченные также достигают этого созерцания. Во всем этом и заключается искусство учителя, именно в таком смысле об этом говорит Платон, как, впрочем, и я тоже в этом убежден. Об этом много написано мной в сочинении о «Дедуктивном доказательстве» [что именно преподавание вносит ясность относительно мышления]. Там же написано, что устремившись от первоэлементов и начал, заключенных в каждом [объекте] можно превосходно все доказать, что может быть доказано. Не так, как достойный удивления, Фаворин, написавший целую

βεβαίως εἶναι γνωστὸν καὶ τοῦτ' ἐπιτρέπει
αἰρεῖσθαι τοῖς μαθηταῖς.

книгу и доказывающей в ней, что солнце не может быть воспринимаемо. При этом считая нас забывчивыми, говорит в другом месте, соглашаясь, что нечто можно знать точно и предлагает своим ученикам выбирать [из этих противоположностей].

Дата поступления 24.10.2013

Первый Московский государственный
медицинский университет
им. И.М. Сеченова, г. Москва
shok@msm-medical.ru

Balalykin, D.A., A.P. Shcheglov and N.P. Shok. Correlation of theory and practice in Galen's system

Basing on *De optima doctrina* by Roman physician Galen (the work is introduced to Russian-language scientists for the first time) the authors analyze his anatomic-physiological system which dominated in medicine for more than 1,500 years. Galen reveals a balance between the level of empirical knowledge which is essential to a physician and the importance of theoretical constructions, and it is a unique research in the light of modern history of science. Galen's conclusions about the importance of detection of causality, the necessity of theoretic generalization, the use of argument and logical method in diagnostication and therapy make possible to assert that in ancient medicine there arisen an essentially new methodological approach.

Keywords: history of medicine, history of science, antique natural science, conclusiveness, logical method, Galen